

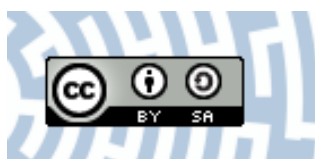

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Культурная инаковость в русском переводе книги Мариуша Вилька Дом над Онего

Author: Dawid Adamczyk

Citation style: Adamczyk Dawid. (2020). Культурная инаковость в русском переводе книги Мариуша Вилька Дом над Онего. W: J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk (red.), "Przestrzenie przekładu. T. 4" (S. 75-83). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

Давид Адамчик

Силезский университет в Катовице

Культурная инаковость в русском переводе книги Мариуша Вилька *Дом над Онего*

Культурная чуждость, вытекающая из неотъемлемых различий между любыми развитыми сообществами, представляет собой широкое явление, которое вписывается в область различных исследований. Особое место в этом плане занимает язык как основной инструмент, применяемый для обозначения, описания и, насколько это возможно, объяснения культурных свойств, определяющих национальную и региональную идентичность представителей того или иного социума.

Интересным аспектом, если взглянуть на диапазон доступных материалов, которые могут стать основой для анализа многокультурности и связанных с ней различий, является так называемая путевая литература. Именно в этом жанре авторы стараются приблизить читателям специфику чужих обычаев и традиций, а также особенности иного от принятого в их культуре мировоззрения. Литература ведь давно уже стала средством, используемым человечеством с целью понять самого себя и расширить умственный горизонт, т.е. лучше ознакомиться с механизмами, которые управляют действительностью¹. Произведения, трактующие о путешествиях или проживании в гораздо менее знакомом пространстве, наложили на это стремление человека заметный отпечаток.

---

¹ Z. BEDNAREK: *Odkrywca, tubylec... pisarz – literatura podróżnicza jako źródło wiedzy o człowieku (na przykładzie cyklu Alfreda Szklarskiego O przygodach Tomka Wilmowskiego)*. https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/6077/1/Z_Bednarek_Odkrywca_tubylec_pisarz%20%E2%80%93%20literatura_podroznicza_jako_zrodlo_wiedzy_o_czlowieku.pdf [доступ: 20.02.2019].

Стоит обратить внимание на целеустановки, которые стали вдохновением для создания текстов такого толка. Первоначально они выполняли задачу дать воображение о топографии и стиле жизни других народов и исповедуемых ими ценностях. В XIX–XX веках наблюдается динамическое развитие приключенческо-путевой литературы. Рассказ о неизведанных местах был здесь тесно связан с сюжетом, в центре которого оказывается герой-путешественник, переживающий разные перемены при контакте с новой реальностью². В свою очередь, вторая половина XX века – это период развития путевого репортажа, особенно в Польше. Его жанровая специфика заключается в продолжении главной функции рассказов о совершённом путешествии. Вместе с тем действия вымышленного героя замещаются тщательным изложением наблюдаемого фрагмента действительности, нередко дополненным личными замечаниями автора и сопоставлением чужого с его родной культурой, что позволяет в большей степени приблизить читателей «другой мир». Отметим, что этот тип литературного творчества продолжает развиваться, а наряду с Рышардом Капуцинским сегодня можно назвать других писателей-путешественников, известных как в Польше, так и за её пределами, напр. Яцека Хуго-Бадера, Кристину Курчаб-Редлих, Анджея Стасюка, Мариуша Щигела или Мариуша Вилька.

Разнообразие польской путевой литературы даёт возможность вести исследования на многих полях, в том числе филологическом. В связи с этим на конкретные произведения можно смотреть сквозь призму трёх отраслей.

В качестве первого выделим языковедческий подход, так как каждый из писателей использует особые, присущие его стилю языковые средства (к примеру, способы называния и оценки описываемых элементов действительности, языковые проявления авторского «я»). В качестве второй дисциплины выделим литературоведение, позволяющее дать характеристику данного текста с учётом литературно-исторического процесса, рассматривать произведение в рамках соответствующего жанра, анализировать способы наррации. Третьей и важнейшей отраслью, с точки зрения настоящей статьи, является переводоведение, которое описывает процесс передачи текста на другой язык и даёт оценку результата переводческой деятельности. Кроме того, сопоставительный анализ текстов на исходном и целевом языке способствует тому, чтобы показать главные различия в толковании культурной информации, являющейся выражением национального или регионального колорита, в пространстве языков, между которыми осуществляется переводческий труд.

Если более углублённо рассмотреть этот аспект, то в его центре оказываются слова, называющие *культурные реалии*. По мнению Венедикта Степановича Виноградова, такого рода лексические единицы, чуждые для

---

² Ibidem.

получателя текста, владеющего данным языком, принято также определять *культурным иным*, либо *бытовыми реалиями*. Они являются «запасом лексических единиц, передающих фоновую информацию»³. К ним относятся «государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка, а также предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова»⁴. Подчёркивается, что «сведения, поступающие от лингвистических факторов», могут создавать помехи в актах коммуникации⁵.

Совершая попытку дать языковую характеристику *культурному иному* в каком-либо конкретном тексте, а также обнаружить его влияние на восприятие текста читателем, следует в первую очередь обратить внимание на идиостиль писателя и способ представления обсуждаемого типа лексем в оригинальном произведении. Это связано с тем, что каждая попытка описать встречу с инаковостью ограничена своего рода субъективностью, которой невозможно избежать по причине ограничения времени и пространства в ходе пребывания и общения с чужим. Это, безусловно, может приводить к сужению писательской перспективы. Более того, даже журналисты, несущие миссию сохранить объективность, не могут не проявлять своих взглядов, предпочтений, областей интересов или предрассудков⁶, входящих к их культурному либо национальному коллективному сознанию. Названные факторы оказывают несомненное влияние на выбор элементов, находящихся отражение в тексте, которые соотносятся с культурной инаковостью и контекстуальным фоном.

Вышеприведённый вопрос постараемся обсудить на основании сопоставительного анализа книги польского писателя и журналиста Мариуша Вилька *Дом над Онего* с её русским переводом, осуществлённым Ириной Адельгейм.

Мариуш Вильк, проживающий с начала 90-х годов прошлого века до 2015 года на севере России, в своём творчестве прибегает к интересным языковым приёмам, составляющим его индивидуальный стиль и служащим выражению авторского замысла. Это касается частотного употребления в польском оригинале транскрипции разного рода русских названий, которые имеют связь с культурным наследием России и Советского Союза, политической и общественной обстановкой. В связи с этим его книги в переводе на русский язык в определённой степени соотносятся с понятием *обратного перевода*, под которым понимается «письменный перевод

³ В.С. Виноградов: *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва 2001, с. 17.

⁴ О.С. АХМАНОВА: *Словарь лингвистических терминов*. Москва 2004, с. 381.

⁵ Л.Л. НЕЛЮБИН: *Толковый переводческий словарь*. Москва 2003, с. 178.

⁶ Е. ŻYREK: *Inny czy obcy? Dylemat wielokulturowości w reportażach afrykańskich Jeana Hatzfelda i Ryszarda Kapuścińskiego*. „Zeszyty Prasoznawcze” 2014, nr 4, с. 708.

текста с иностранного языка на родной язык, затем перевод этого текста на иностранный язык с последующим сопоставлением с оригиналом»⁷. В случае же автора *Дома над Онего* речь идёт о том, что он описывает повседневность Русского Севера в рамках польского языка, с использованием многочисленных слов-реалий. Переводчик, передавая текст на русском языке, даёт русскому получателю возможность заново толковать описываемые фрагменты действительности в интерпретации инокультурного автора и сравнить их со своей точкой зрения⁸.

Иллюстрацией этого явления могут стать примеры использования таких лексем, как *ruska pieczka* или *zapoj*. Их выбор в книге неслучаен, однако с точки зрения русского получателя книги Вилька эти и подобные им единицы не вызывают впечатления общения с какой-либо инаковостью, так как вытекают из его культурного колорита и обычаев. Они не представляют собой и вызова для переводчика, поскольку передаются с помощью известных выражений, в данном случае *русская печь* и *запой*.

Наше внимание сосредоточим прежде всего на выделенных нами дру-гих типах проецирования культурных отличий, которые можно подразделить на три группы.

К первой из них причислим культурно маркированные лексеммы, указывающие на национальную идентичность автора. Они связаны с польским культурным и языковым кругом. Интересно, что в случае русского перевода *Дома над Онего* имеем дело с разными переводческими подходами, если взглянуть на их толкование.

Одни из них – введение полностью в текст перевода польских реалий посредством транскрипции, напр. *Kwach* – *Квах*. Отметим, что данное наименование указывает на прозвище бывшего польского президента Александра Квасьневского. Оно не требует выяснения в самом тексте или в примечании, так как русский читатель в состоянии догадаться о его значении из контекста: «*фигура российского президента Владимира Путина и расплывшаяся – президента Речи Посполитой Александра Квасьневского. [...] я никогда не считал Кваху своим президентом*».

Среди лексики, связанной с польским культурным пространством, заметны реалии, отражающие языковой колорит, т.е. закреплённые в речи фразеологизмы, напр.:

⁷ Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин: *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языка)*. Москва 2009, с. 166.

⁸ Д. Адамчик: *Культурные реалии в книге Мариуша Вилька «Дом над Онего» и специфика их перевода на русский язык*. W: *Slavica iuvenum XIX*. Red. S. MIZEROVÁ, L. PLESNÍK. Ostrava 2018, с. 404–405.

Każdy bowiem, kto choć trochę zna ruską głębinę domyśli się, ile z tym było mitręgi w urzędach, bieganiny od jednego naczelnika do drugiego – jak od Annasza do Kajfasza [...] (с. 16)⁹.

Каждый, кто хоть немного знаком с русской глубиной, поймет, какая это канитель – беготня из кабинета в кабинет, от начальника к начальнику (с. 5)¹⁰.

Польский фразеологизм *od Annasza do Kajfasza* определяет ситуацию, в которой человек обращается к разным лицам, чтобы с чем-то справиться, а его постоянно отсылают в другое место. Отметим, что в русском языке этот библеизм имеет соответствие, восходящее к Новому Завету, – *от Понтия к Пилату*¹¹, однако в тексте он был замещён следующим выражением: *беготня из кабинета в кабинет, от начальника к начальнику*. Таким образом, в русском переводе имеем дело с эмоционально насыщенным обозначением *беготня*, обозначающим «суетливое мотанье, хлопоты, требующие спешки и беганья из одного места в другое»¹². Таким образом, переводчик сделал намёк на бюрократию в пределах России посредством остальных членов выражения – *из кабинета в кабинет, от начальника к начальнику*.

В русской версии обсуждаемой книги встречаемся также с опущением в качестве переводческой техники, чаще всего оправданной. К примеру, не был передан следующий фрагмент, выясняющий некоторые особенности употребления религиозной лексики на польском и на русском языке:

Nawiasem mówiąc, nie używam polskiej „kaplicy” dla przekładu rosyjskiej „czasowni” – jak sugeruje Wielki słownik polsko-rosyjski – bo za tymi słowami stoją obiekty sakralne różnych wyznań i o różnym przeznaczeniu (с. 24).

Рассматривая приведённые примеры подходов к фрагментам, содержащим культурную информацию, связанную с польским колоритом, можно говорить о выборе, перед которым поставлен переводчик. Он должен сохранить смысл, не теряя при этом соответствующего уровня приемливости текста. Таким образом, главным фактором, предопределяющим применение переводческой техники, является контекст. В случае помещения в тексте на целевом языке сведений о бывшем польском президенте, возникла не-

⁹ М. WILK: *Dom nad Oniego*. Warszawa 2012. Далее все цитаты из книги приводятся по этому изданию.

¹⁰ М. Вильк: *Дом над Онего*. Санкт-Петербург 2012. Далее все цитаты из книги приводятся по этому изданию.

¹¹ К. Гюлумянц: *Польско-русский фразеологический словарь*. Т. 1. Минск 2004, с. 176–177.

¹² *Толковый словарь Ушакова*. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/744390> [доступ: 20.02.2019].

обходимость сохранить намёки на политику и сравнение А. Квасьневского с В. Путиным, что составляет важную часть целого текста и заключённого в нём авторского замысла.

Если обратить внимание на фразеологизм *od Annasza do Kajfasza*, то его замещение выражением *беготня из кабинета в кабинет, от начальника к начальнику* обусловлено тем, что для русского получателя книги этот вариант может показаться более понятным, чем эквивалент, почерпнутый из Библии.

В свою очередь, опущение третьего приведённого нами фрагмента служит удалению лишней информации, которая может вторичными адресатами восприниматься как ненужная. Для них более интересными являются сведения, соотносящиеся со способом восприятия автора, его менталитет, его представление о российской действительности, а не то, чтобы приобтратить знания, касающиеся межъязыковых подробностей.

Ко второй анализируемой нами группе принадлежат названия реалий, характерных для так называемой третьей культуры, так как они выходят за рамки и русского, и польского культурного круга. Это неслучайно, поскольку Мариуш Вильк описывает жизнь на Русском Севере, где до сих пор проживают его коренные жители, которые в своё время подверглись колонизации. Присутствие такого рода культурной инаковости, выраженной в тексте *Дома над Онего*, подтверждает следующий фрагмент:

*Stoły nakrywają, zastawiają: jedna **naletuszki** na półmisek wyklada, druga **kalitki** dostaje, trzecia owsiany kisiel rozlewa, czwarta rybnikami się chwali...* (с. 30).

*Накрывают столы: одна **налетушки** в миску выкладывает, другая **калитки** достаёт, третья овсяный кисель разливает, четвертая рыбниками хвалится...* (с. 12).

Отметим, что данные примеры как в оригинале, так и в русском переводе дополнены примечаниями:

***naletuszki** – zaonieński cheesburger* (с. 30).

***налетушки** – заонежский «чизбургер»* (с. 116).

***kalitki** – ziemniaczane purée tudzież pszeniczna krupa zapieczone w cieście razowym* (с. 30).

***калитки** – пироги из ржаной муки с начинкой из картофельного пюре или пшенной каши* (с. 116).

Применение идентичного приёма писателем и переводчиком с целью выявления точного значения названий блюд, введённых в текст, свидетельствует об их инаковости по отношению как к польскому, так и к русскому

культурно-языковому кругу. Более того, обсуждаемая чуждость намекает на постколониальную литературную специфику. Она встречается прежде всего в области английской и французской культуры, в которую проникли тексты авторов, живущих в бывших колониях этих стран или имеющих с ними сильную связь. В рассматриваемом нами примере из текста Вилька и его переводе на русский язык можем отметить следующее: несмотря на то, что описываемая территория была уже давно включена в Россию, а русская культура охватила большинство областей повседневной жизни – религию, государственный строй и другие, всё же можно столкнуться с элементами, указывающими на особую культурную идентичность, которая для русского получателя текста является культурной инаковостью. В таком случае переводчик должен полагаться на авторские знания или применить, если необходимо, упрощение фрагментов, которые могут поставить получателя текста перевода в тупик.

К третьей, последней группе, принадлежат лексические единицы, которые, если учесть их культурную нагрузку, выходят за пределы как идентичности автора, так и специфики описываемой территории:

*Pojęcia **zuihitsu** i **waka** nie mają odpowiedników w żadnym innym języku. To nazwy (jak esej lub sonet) japońskich жанrów literackich. Specjały **Kraju Kwitnącej Wiśni**, coś w rodzaju **sushi**, **dżiu-dżitsu** tudzież **harakiri**. Ciekawe, ilu Europejczykom przyszłoby do głowy, że rozplatając sobie żywot, **samuraj** wraz z jelitami wypuszcza i duszę (energię życiową), która właśnie tam, w niższej części brzucha – wedle **zen** – za życia przebywa (с. 157).*

*Понятия «дзуйхицу» и «вака» не имеют соответствий ни в одном языке. Это названия японских литературных жанров (как в западной литературе эссе или сонет). Фирменные блюда **Страны цветущей сакуры** – нечто вроде **суши**, **дзю-джитсу** или **харакири**. Интересно, много ли европейцев понимают, что, вспарывая себе живот, **самурай** вместе с кишками выпускает и душу (жизненную энергию), которая именно там, в нижней части брюха, – согласно **дзен** – обретается (с. 88).*

В этом фрагменте, являющимся частью размышлений Мариуша Вилька, сталкиваемся с обозначениями японских культурных реалий. Понятия *zuihitsu* – дзуйхицу и *waka* – вака сам автор определил как непере译имое, что облегчило процесс передачи, так как такого рода проявление авторского «я» позволяет полагаться на знания писателя. Таким образом, возможным стало перенесение этих терминов посредством воссоздания их звучания, с учётом правил русской записи.

Разница видна в случае обозначения *Kraj Kwitnącej Wiśni* – Страна цветущей сакуры. Она вытекает из общепринятых в польском и русском языках внутриязыковых эквивалентов, служащих определению Японии.

Обратим здесь внимание на то, что русский вариант в большей степени передаёт специфику этой страны, поскольку его последний член можем прямо соотнести с культурой Дальнего Востока. В то же время в польском определении нет указания на особую разновидность этого фруктового дерева, что может вызывать ассоциации с тем видом, который нам известен.

Другие встречаемые в этом фрагменте культурные реалии представляют собой известные во всём мире символы, соотносимые с японской культурой. Они вошли в состав европейских языков путём отражения их звуковой формы с помощью записи определённым алфавитом и не вызывают в настоящее время проблем с их передачей на русский или польский язык.

Подытоживая анализ вышеприведённых лексических единиц, представляющих собой культурные или языковые реалии, можно прийти к выводу, что Мариуш Вильк при создании своих книг проектирует очень открытого идеального получателя, который хочет приобрести новые знания на данную тему и в какой-то степени уже разбирается в описываемых культурных аспектах. В связи с этим писатель сильно экзотизирует свои тексты, транскрибируя большинство из описываемых русских наименований. Данный авторский приём, безусловно, усложняет восприятие текста польскому читателю. В свою очередь, такое авторское толкование русских реалий облегчает перевод, который не требует более сложных переводческих приёмов, а даже позволяет опускать некоторые фрагменты. Вместе с тем, если обратить внимание на способ передачи польских реалий, а также реалий, связанных с третьей культурой, можно отметить затруднения, которые обнаруживаются тогда, когда в русском языке нет общепринятых эквивалентов. В таких случаях переводчик прибегает к разным переводческим техникам, используя примечания или отказываясь от них, если смысл культурно маркированных единиц может быть выведен из более широкого контекста. Кроме того, в случае реалий, выходящих за рамки авторской идентичности и описываемой территории, переводчик либо имеет возможность полагаться на авторские знания, либо употребить принятый в его культуре эквивалент, если помещённое в тексте обозначение связано с известным символом.

Dawid Adamczyk

**Inność kulturowa
w rosyjskim przekładzie książki Mariusza Wilka
*Dom nad Oniego***

Streszczenie

Celem niniejszego artykułu była charakterystyka obcości kulturowej i odniesienie jej do przekładu literatury podróży na materiale jednej z książek polskiego dziennikarza Mariusza Wilka. W teoretycznej części, oprócz wspomnianych pojęć, zostały scharakteryzowane również realia kulturowe. Część analityczna została poświęcona zbadaniu sposobów przekładu wybranych typów nominacji realiów, wskazujących na inność kulturową, co pozwoliło sformułować wnioski.

Słowa kluczowe: literatura podróży, Mariusz Wilk, inność kulturowa, realia kulturowe

Dawid Adamczyk

**Cultural differences
in the Russian translation of the book by Mariusz Wilk
*Dom nad Oniego***

Summary

The aim of the article was the characteristics of cultural differences and the reference to the literary translation of a journey on the basis of the material from one of the book by Polish journalists Mariusz Wilk. In the theoretical part, apart from mentioned notions, there were also characterised Polish cultural realities. Analytical part was devoted to the study of the ways of translation of chosen types of realia nomination, indicating on the cultural differences, what enabled to form conclusions.

Key words: the literature of the journey, Mariusz Wilk, cultural differences, cultural realia